

О понятіи естественнаго права у Канта и Гегеля.

Возрожденіе идеализма въ морали и философіи права привело къ рѣзкой и отчетливой формулировкѣ дуализма бытія и долженствованія, къ противопоставленію сущаго и должнаго, какъ двухъ оторванныхъ другъ отъ друга и другъ друга исключающихъ сферъ. Если природа съ ея неизмѣнными и ненарушимыми законами заполнила собою область бытія, то мораль и правобудучи отнесены къ области долженствованія, тѣмъ самымъ должны быть лишены всякаго бытія. Таковъ основной выводъ этого ученія, неразрывно связаннаго съ именемъ Канта. На одной сторонѣ—законъ природы, какъ выраженіе царства необходимости, на другой—законъ морали и права, какъ выраженіе царства свободы; на одной сторонѣ—бытіе, на другой—отвлеченное долженствованіе. Выводъ этотъ обусловливается пониманіемъ права и морали, какъ нормы, какъ закона, правила, заповѣди, тѣмъ *отвлеченнымъ нормативизмомъ*, для котораго вся наличность нравственности и права исчерпывается всеобщимъ и въ этой всеобщности абстрактнымъ правиломъ, нормой. Единственная реальность права и нравственности есть реальность ихъ, какъ нормы долженствованія. Такъ и только такъ, — утверждается здѣсь, — можетъ быть обоснована ихъ независимость отъ законовъ природы, ихъ автономія въ отношеніи къ теоретическому естествознанію. Въ этомъ пониманіи наука о нравственности есть система нравственныхъ заповѣдей, противорѣчащихъ дѣйствительности и никогда сполна въ ней не реализованныхъ, а наука о правѣ есть формальный анализъ правовыхъ заповѣдей, юридическихъ нормъ, въ ихъ отрывѣ отъ соціальной, психоло-

гической и всякой иной дѣйствительности. Таковы вершины отвлеченнаго нормативизма, достигаемая имъ, съ одной стороны, въ отвлеченномъ морализмѣ, въ наши дни представленномъ лучше всего толстовствомъ, съ другой стороны, въ отвлеченномъ формализмѣ юридической методы, разрывающей связь между правомъ, какъ абстрактной нормой, и правомъ, какъ нѣкоторымъ конкретнымъ социальнымъ построениемъ. Мысль о томъ, что право есть норма, что право есть правило долженствованія, настолько понятна и доступна юристу, что ее нѣтъ надобности ни настойчиво повторять, ни доказывать. Что юридическіе и моральные законы, съ одной стороны, и законы природы, съ другой, не одно и то же и что ихъ не слѣдуетъ смѣшивать и что никогда не удастся растворить законы морали и права въ законахъ природы, какъ это пробовалъ сдѣлать Спиноза,—это слишкомъ очевидно для юриста. Еще Монтескье указывалъ на измѣнчивость человѣческихъ законовъ на ряду съ неизмѣнностью законовъ природы ¹⁾ и еще Руссо было ясно, что «quand on aura dit ce que c'est qu'une loi de la nature, on n'en saura mieux ce que c'est qu'une loi de l'état» ²⁾.

Но если право есть норма, если право есть долженствованіе, то значить ли это, что право лишено бытія; развѣ, будучи долженствованіемъ, право не можетъ быть въ то же время и бытіемъ? Не бытіемъ природнымъ, не бытіемъ въ предѣлахъ физики и механики, но бытіемъ долженствованія, особымъ царствомъ бытія, облакающимъ заповѣди и нормы въ плоть и кровь живой, конкретной дѣйствительности? И тогда право и мораль не есть только норма, но и конкретная часть той цѣлокупности, которая именуется человѣческой культурой. Тогда право и мораль суть не субъективно воспринимаемыя правила и заповѣди, а объективно-наличныя, созерцаемыя, какъ бы осязаемыя учрежденія и организации, въ которыхъ движется духовная дѣятельность человѣка и которыя укрѣпляютъ и оживляютъ человѣка въ его духовномъ творествѣ. Право и мораль суть дѣйствительность объективныхъ учрежденій: государство, семья, церковь, союзы и общества—вотъ подлинная реальность права и морали, вотъ долженствованіе, получившее свое осуществленіе въ дѣй-

¹⁾ L'esprit des lois. L. I, ch. I.

²⁾ Contrat social. II, ch. 6.

ствительности, долженствованіе, ставшее бытіемъ. Въ этомъ пониманіи право уже не стоитъ въ противоположности дѣйствительности, какъ должное, оно уже не оторвано отъ бытія, какъ нѣчто ему потустороннее. Оно уже не есть отвлеченное отрицаніе бытія, а положительное его преобразование, и бытіе уже не есть лишенная свѣта и разума необходимость, а просвѣтленная и оплодотворенная духовность. Есть разумъ въ дѣйствительности гораздо болѣе высокій и совершенный, чѣмъ отвлеченный человѣческій разумъ, дерзающій произносить свои безапелляціонные приговоры надъ результатами долгаго историческаго процесса. Правда жива не въ видѣ абстрактнаго правила или закона, доступна лишь индивидуальному сознанію, а въ видѣ конкретной наличности, объективно констатируемой и какъ бы доступной непосредственному созерцанію ¹⁾. Правда не есть нѣчто потустороннее бытію и раскрывающееся намъ лишь какъ отвлеченное долженствованіе, правда—есть внутренній разумъ дѣйствительности, той конкретной дѣйствительности, которую осуществляетъ духъ каждаго отдѣльнаго народа ²⁾. Правда не есть безплотная и абстрактная норма, а живая и живящая, конкретная «нравственная субстанція» ³⁾. Таково другое воззрѣніе на сущность морали и права, которое вырастаетъ непосредственно изъ борьбы съ дуализмомъ кантовскаго идеализма.

Если вмѣстѣ съ кантовскимъ идеализмомъ мы признаемъ, что реальность права и морали есть реальность долженствованія (Sollen), по самому существу дѣла индивидуально реализуемаго то сферой осуществленія этическихъ задачъ окажется прежде всего индивидуальное сознаніе. Свободное и сознательное усвоеніе закона и свободное и сознательное *индивидуальное* выполненіе его—вотъ все, чего требуетъ отъ насъ этого рода этика. Государство, церковь, общества не имѣютъ самодовлѣющей нравственной цѣнности, подлинное царство нравственности «внутри насъ», въ нашемъ уваженіи къ закону, а всѣ внѣшнія учрежденія въ лучшемъ случаѣ — средства для достиженія этой

1) Hegel. Ueber die wissenschaftl. Behandlungsarten des Naturrechts (Werke, Bd. I), S. 357.

2) Hegel. Encyclopädie der philos. Wissensch. Th. III Philosophie des Geistes, (Werke, Bd. VII), S. 391.

3) Hegel. Phänomenologie des Geistes., русск. пер. 1913 г., стр. 208, 214. Enc. III, 391, 438.

главной нравственной задачи. Толстой лишь послѣдовательно и до конца додумалъ точку зрѣнія Канта, когда призналъ всю область внѣшней культуры, всю совокупность объективированнаго Добра балластомъ и препятствіемъ къ подлинному торжеству нравственности. Отвлеченный нормативизмъ есть отрицаніе культуры и исторіи.

Другое изъ упомянутыхъ нами воззрѣній признаетъ за государствомъ, церковью, обществомъ и т. п. самодовлѣющее нравственное значеніе. Нравственная задача достигается именно въ этихъ объективныхъ проявленіяхъ Добра, именно этой реализаціей его во власти вздымающихся надъ индивидомъ социальныхъ цѣльяхъ. Если для перваго—ученіе о правѣ и морали есть прежде всего ученіе о нормахъ, то для втораго ученіе о правѣ и морали есть въ своемъ высшемъ выраженіи философія культуры и философія исторіи. Моральность, какъ чистота индивидуальнаго настроенія, есть низшая задача. «Быть нравственнымъ—это значитъ жить согласно нравамъ своей страны» ¹⁾. «Нравственность индивида есть ударъ пульса всей системы» ²⁾. Если нравственность есть норма, то что же лучше, какъ поставить индивида лицомъ къ лицу съ этой нормой и не мѣшать ему въ свободномъ усвоеніи этой нормы. Развѣ не оправдана тогда вся разрушительная проповѣдь Толстого. Уже Гегель ясно сознавалъ этотъ выводъ, когда говорилъ, что «принципы моральности дѣлаютъ невозможною объективную нравственность (Sittlichkeit) и даже явно ее уничтожаютъ и встаютъ противъ нея» ³⁾. Но если, наоборотъ, нравственность есть нѣкоторая конкретная субстанція, то что же лучше, какъ сдѣлать себя частью этой субстанціи, какъ дать себя поглотить этой субстанціей, какъ жить ея дыханіемъ, питаться ея соками. Во всей глубинѣ встаетъ передъ нами отвѣтъ пифагорейца на вопросъ о наилучшемъ воспитаніи юноши: «сдѣлай его гражданиномъ хорошаго государства». Гражданинъ хорошаго государства — вотъ разрѣшеніе нравственной задачи, противоположное разрушительному индивидуализму толстовской моральности.

Около этой противоположности, около этой антиноміи вращаются основные вопросы морали и философіи права. Если Со-

¹⁾ Hegel, Werke I (Naturr.), S. 400.

²⁾ Тамъ же, S. 396.

³⁾ Grundlinien der Philosophie des Rechtes, Lpz. 1911, S. 47.

кратъ, а вслѣдъ за нимъ стоики были представителями того «моральнаго» міросозерцанія, для котораго подлиннымъ субъектомъ нравственнаго дѣла былъ отдѣльный человѣкъ, то уже для Платона, согласно вполнѣ греческому воззрѣнію, государство и полнѣе, и совершеннѣе реализуетъ справедливость. Государство есть субъектъ нравственнаго дѣла. Это большой человѣкъ, на которомъ виднѣе и нагляднѣе осуществляется справедливость. Въ этомъ случаѣ объективная организація общества и внѣшній критерій социальнаго, а не внутренній личнаго совершенства опредѣляетъ мѣру осуществленія Добра. Таково воззрѣніе Августина, таково воззрѣніе Гегеля, таково воззрѣніе Вл. Соловьева.

Любопытно прослѣдить, какъ эта противоположность отвлеченно-моральнаго и конкретно-социальнаго пониманія этики отражается на понятіи естественнаго права.

Понятіе естественнаго права имѣло, какъ извѣстно, долгую и сложную исторію. Но уже Гоббсъ, а въ особенности Руссо придали ему ту методологическую структуру, которая сдѣлала это понятіе чрезвычайно существеннымъ средствомъ для послѣдовательнаго проведенія въ этикѣ отвлеченнаго нормативизма. Если у древнихъ, также у Гроція, у Спинозы естественное право должно было выражать натуральныя, природныя основы правопорядка, т.-е. тѣ естественныя (психологическія, физиологическія и т. п.) силы, которыя причинно обуславливаютъ возникновеніе и существованіе правового порядка, то у Гоббса естественный законъ долженъ былъ разрѣшать вопросъ о правомѣрности государства, служить основаніемъ не къ его причинному объясненію, а къ его темологическому оправданію. Въ самомъ дѣлѣ, для Гоббса «*lex naturalis*»—это «*dictamen rectae rationis circa ea, quae agenda vel ommittenda sunt ad vitae membrorumque conseruationem, quantum fieri potest, diuturnam*»¹⁾—т.-е. стало быть естественный законъ есть требованіе, обоснованное въ принципахъ утилитарной цѣлесообразности. Если ты стремишься къ самосохраненію, ты долженъ признать правомѣрнымъ существованіе государства. Еще болѣе того у Руссо ставится вопросъ правомѣрности правового порядка, о томъ, что дѣлаетъ его законнымъ (*Qu'est ce qui peut le rendre legitime*).

Въ полномъ соотвѣтствіи съ предпосылками своей философіи Кантъ превращаетъ естественный законъ въ моральное требо-

¹⁾ De cive, cap. II, § I.

ваніе, обращенное къ положительному законодательству. Вопросъ Гоббса и Руссо относительно правомѣрности государства и права Кантъ беретъ въ смыслѣ моральнаго суда надъ правомъ. Естественное право покоится на принципахъ a priori ¹⁾, т.-е. это право, основанное не на опытѣ и не на волѣ законодателя, а обязательное для каждаго „bloss weil und sofern er frei ist und practische Vernunft hat“ ²⁾. Такимъ образомъ существуютъ универсальныя нормы естественнаго права, которыя стоятъ въ своей неподвижности какъ бы надъ многообразіемъ положительнаго права. Но и положительное право, по Канту, есть этический, «моральный», въ широкомъ смыслѣ слова, законъ. Всякій юридическій законъ въ отличіе отъ закона природы есть законъ долженствованія, есть норма ³⁾. Хотя бы никакого примѣра въ опытѣ не встрѣчалось (wenn gleich noch kein Beyspiel davon angetroffen wurde) ⁴⁾ юридическіе законы не теряютъ своей значимости. Они не зависятъ отъ того, что встрѣчается въ опытѣ. Подобно нравственнымъ законамъ они суть «Gesetze von dem, was geschehen soll, ob es gleich niemals geschiet» ⁵⁾. Естественное право есть такимъ образомъ норма надъ нормой, или должный порядокъ долженствованія, das Sollen des Sollens. Это—тотъ критерій, съ которымъ должно сообразоваться юридическое долженствованіе. «Если въ государственномъ устройствѣ или въ государственныхъ отношеніяхъ»,—пишетъ Кантъ въ «Вѣчномъ мирѣ»,—«будутъ замѣчены какіе-либо недостатки, предотвратить которые было невозможно, то позаботиться о томъ, какъ бы по возможности скорѣе исправить ихъ и привести въ соотвѣтствіе съ естественнымъ правомъ, какъ оно для образца раскрывается намъ въ идеѣ разума, есть долгъ для главъ государствъ» ⁶⁾. Естественное право есть идея разума, идеаль. «Истинная политика,—утверждаетъ Кантъ, не можетъ сдѣлать шагу, не пригнувъ заранѣе морали» ⁷⁾. Ученіе о правѣ есть ученіе о правовомъ идеалѣ, о правѣ въ его идеѣ. Кантъ изучаетъ право in

1) Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, 1798. S. XXIV.

2) ib. S. IX.

3) Rechtslehre, S. VI.

4) id, S. X.

5) Grundlegung zur Metaphysik der Sitten.

6) Вѣчный Миръ, русск. пер., 1905, стр. 49—50.

7) тамъ же, стр. 63.

der Idee, wie er nach reinen Rechtsprincipien sein soll¹⁾, и насколько не смущается несоответствием идеи действительности. Нравственная цель государства есть задача, сполна никогда не осуществимая, и пропасть между идеей и действительностью никогда сполна не заполнится. Но действительность должна безконечно приближаться к идее, хотя бы и без всякой надежды когда-либо ее осуществить²⁾. Осуществлять идеальное состояние права, хотя бы только в безконечность идущем приближении, есть долг³⁾. „Хотя современный строй“—читаемы мы в „Критикъ чистаго разума“—„никогда не будет осуществленъ, тѣмъ не менѣ слѣдуетъ считать правильной идею, которая выставляетъ этотъ максимумъ въ качествѣ образца, чтобы, руководясь имъ, постепенно приближать законодательство къ возможно большому совершенству“⁴⁾. Въ этомъ смыслѣ социальный идеалъ есть „необходимая идея разума“. Задача учения о правѣ состоитъ именно въ нахожденіи этихъ регулятивных идей, которыя должны служить вѣхами въ поступательномъ движеніи права и государства на пути ихъ безконечнаго совершенствованія. Философское ученіе о правѣ должно указать тѣ формальныя критеріи, которые могли бы направлять нашу оцѣнку положительнаго права, путеводную звѣзду, по извѣстному выраженію Штамллера. У Канта цѣлый рядъ такихъ абстрактныхъ и формальныхъ „регулятивовъ“. Всѣ конкретныя и живыя формулы политической жизни онъ превращаетъ въ безплотныя и немощныя тѣни формальнаго нравственнаго закона. Вопросъ не въ томъ, чтобы открыть въ наличности тотъ или иной порядокъ и не въ томъ, чтобы осуществить его, а въ томъ, чтобы найти правильное направленіе для совершенствованія действительности. Все равно, есть ли социальный идеалъ Ding oder Unding—мы должны дѣйствовать такъ, als ob das Ding sei, was vielleicht nicht ist“ и всѣми силами содѣйствовать конституціи, которая намъ представляется отвѣчающей нашему идеалу⁵⁾.

Въ этомъ «als ob», какъ если бы, заключена вся мудрость кантовскаго идеализма. Никакаго конкретнаго политическаго

1) Rechtslehre, § 45, S. 195.

2) Rechtslehre, 264, 265.

3) Вѣчный миръ, 73.

4) Крит. чист. раз. русск. пер. 1907., стр. 211.

5) Rechtslehre, S. 264.

идеала Кантъ не выставляетъ, ни съ какой конкретной дѣйствительностью Кантъ не считается, дѣло ограничивается установленіемъ формальной методы для разсмотрѣнія всякой дѣйствительности, абстрактныхъ принциповъ, лишенныхъ плоти и крови. „Государственный строй, основанный на возможно большей свободѣ согласно законамъ, благодаря которымъ свобода каждого можетъ существовать съ свободою всѣхъ остальныхъ“¹⁾— вотъ одинъ изъ этихъ принциповъ. *Contrat social, volonté général*, принципъ „всякая власть отъ Бога“, форма публичности²⁾— вотъ еще рядъ регулятивныхъ идей для сужденій о положительномъ правѣ. Всѣ онѣ не содержатъ ни указаній на историческіе факты, ни указаній на конкретныя политическія формы. Ихъ значеніе въ томъ, чтобы быть формальными и отвлеченными нормами для оцѣнки и правовыхъ нормъ. Философское ученіе о правѣ и государствѣ есть ученіе о правѣ въ его идеѣ, т.-е. о естественномъ правѣ, т.-е. о регулятивныхъ идеяхъ, не конституирующихъ никакого опыта. Философское ученіе о правѣ есть ученіе о формальныхъ и отвлеченныхъ нормахъ, опредѣляющихъ долженствованіе долженствованія. Таковъ тотъ обликъ, который получаетъ идея естественнаго права подъ вліяніемъ отвлеченнаго нормативизма Канта.

Критика Канта у Гегеля направлена прежде всего на его пониманіе права и морали исключительно какъ нормъ долженствованія и далѣе на безнадежный дуализмъ бытія и долженствованія, на безконечность моральнаго прогресса („das perennirende Sollen“), на абстрактный и формальный характеръ этого долженствованія, на индивидуализмъ его исходныхъ положеній, согласно которымъ „человѣкъ хочетъ объективно цѣнное (das Geltende) имѣть какъ свою волю, какъ нѣчто имъ признаное“³⁾— т.-е. всѣ тѣ положенія, которыя обуславливались пониманіемъ этики, какъ системы отвлеченныхъ заповѣдей.

Когда Платонъ раздѣлилъ все существующее на умопостигаемый міръ идей и видимый міръ „матеріальныхъ“ вещей, и первый объявилъ запредѣльнымъ, трансцендентнымъ, отдѣленнымъ (*χωρῖς*) отъ міра эмпирическаго, то Аристотель выступилъ съ уничтожающей критикой этого дуализма. Въ двухъ отношеніяхъ онъ

1) Критика чист. разума, стр. 211.

2) Вѣчный миръ, стр. 64 сл.

3) Grundlinien der Philos. des Rechts, Leipz. 1911. S. 320. (Zusatz).

не раздѣлялъ воззрѣній своего учителя.—Во-первыхъ, онъ не могъ признать абстрактнаго, всеобщаго, родового характера идей, во-вторыхъ, онъ не соглашался съ ихъ трансцендентностью видимому міру. Для него идеи были конкретными, индивидуальными и имманентными дѣйствительности сущностями. Понятіе идеи превратилось у него въ понятіе формы. Совершенно аналогична оппозиція Гегеля Канту. Идеализмъ, противопологающій частную и множественную дѣйствительность единому и всеобщему закону, есть несовершенный и ложный идеализмъ. Онъ не создаетъ ни подлиннаго всеединства, ни подлинной безконечности, ни подлинной нравственности, ни подлинной свободы. Разрывая дѣйствительность и идею, Кантъ дѣлаетъ дѣйствительность лишенной Бога, богооставленной (*gottverlassen*) и впадаетъ въ „*Atheismus der sittlichen Welt*“¹⁾, а истину, разумъ, идею дѣлаетъ случайностью, частностью, однимъ изъ полюсовъ противоположности, отвлеченнымъ началомъ.

Этимъ творится несправедливость какъ въ отношеніи дѣйствительности, такъ и въ отношеніи идеи, которая, вопреки Канту, есть подлинная дѣйствительность. Ибо подлинная дѣйствительность не есть ни множественность эмпирически-конкретнаго, ни единство абстрактнаго и формальнаго начала, а конкретное всеединство, отмѣняющее односторонность того и другого²⁾.

Но чтобы быть истинной, идея должна не противостоятъ односторонне конечному и множественному, а содержать въ себѣ эту конечность и множественность какъ одинъ изъ своихъ моментовъ³⁾. Когда абсолютная нравственность объявляется абстрактнымъ и всеобщимъ долженствованіемъ, нравственность теряетъ свою абсолютность, ибо ей противостоятъ чуждый и внѣшній ей міръ конкретныхъ единичныхъ вещей. И сама она становится не чѣмъ-либо ихъ объемлющимъ или подчиняющимъ высшему единству, а одною изъ такихъ же частныхъ и единичностей.

Утверждаясь въ себѣ и въ своей противоположности дѣйствительности, нравственность лишается всякой объективности, всякой реальности, нравственность становится пустой формой, она односторонняя и вслѣдствіе этого дѣлается случайностью⁴⁾.

¹⁾ *Philos. d. Rechts*. S. 7.

²⁾ *Werke*, I, (*Naturr*) S. 392.

³⁾ *Encyklopädie* III. S. 37.

⁴⁾ *Werke*, I, (*Naturrecht*) 357, 418, 392, *Encykl.* III, S. 31, 428 и др.

Этой односторонностью вносятся въ нравственность элементы противоразумности и безнравственности ¹⁾, разрушается «реальное единство индивида съ абсолютнымъ» ²⁾. Подлинная нравственность есть не разрывъ, а единство идеи и дѣйствительности, единство безконечности и реальности въ такой нравственной организаціи, гдѣ многообразіе срастается съ безконечностью и единствомъ, какъ душа съ тѣломъ ³⁾, и когда рефлексія объявляетъ дѣйствительность суетной и стремится «къ установленію чего-то потусторонняго дѣйствительности и Богъ знаетъ гдѣ долженствующаго быть» ⁴⁾, она сама погружается въ суетность и сама становится суетной ⁵⁾. Задача философіи опредѣляется отнюдь не этимъ «безпокойнымъ зудомъ рефлексіи и суетности» (*unruhige Treiben der Reflexion und Eitelkeit*) ⁶⁾, она состоитъ въ томъ, чтобы «постигать дѣйствительное и наличное» ⁷⁾. «Das was ist zu begreifen ist die Aufgabe der Philosophie, denn das, was ist, ist die Vernunft» ⁸⁾.

Если нравственность есть чистое единство абстрактнаго закона, то не можетъ быть и рѣчи о системѣ нравственности, въ сущности не можетъ быть даже и множества законовъ. Существуетъ лишь одинъ законъ, и, какъ абстрактное единство, онъ можетъ быть только формальнымъ. Но если такъ, то онъ можетъ быть только пустымъ, разсудочнымъ тожествомъ; онъ не можетъ высказывать сужденій объ опредѣленномъ конкретномъ содержаніи. Нравственный законъ, будучи формальнымъ, можетъ лишь создавать тавтологіи, производить аналитическія сужденія, но не можетъ обосновать цѣнности и значимости конкретнаго учрежденія или факта ⁹⁾. Нужно заранѣе признать моральную цѣнность собственности, чтобы съ помощью формальнаго критерія Канта доказать безнравственность кражи. Въ сущности, любое содержаніе можетъ наполнить собою нравственный законъ, нѣтъ такого велѣнія, которое не удовлетворяло бы фор-

¹⁾ Werke I, 354.

²⁾ ibid. 393.

³⁾ ibid. 392.

⁴⁾ Phil. des Rechts, S. 13.

⁵⁾ Philos. des Rechts, S. 14.

⁶⁾ ibid. S. 7.

⁷⁾ ibid. S. 13.

⁸⁾ ibid. S. 15.

⁹⁾ Werke I, S. 351 ff.

мальному условію согласія съ собой, и поэтому кантовская безсодержательная формула годности максимы не только не служитъ къ выведенію конкретной системы обязанностей, но и, наоборотъ, прямо переходитъ въ безнравственность, такъ какъ даетъ возможность всякую частность и моральную случайность возвести въ принципъ нравственности ¹⁾. Въ результатѣ этого дуализма формы и матеріи нравственности относительныя и конечныя опредѣленія получаютъ значеніе абсолютныхъ и непреложныхъ принциповъ, т.-е. происходитъ подмѣна подлинной нравственности случайнымъ и несоотвѣтствующимъ абсолютной формѣ содержаніемъ ²⁾.

Но пониманіе нравственности, какъ долженствованія, уничтожаетъ себя и превращаетъ себя въ безнравственность еще и съ другой стороны. Если нравственность есть долженствованіе, то вся реальность нравственности обоснована исключительно на разрывѣ бытія и долженствованія, природы и моральности. Но задача моральности состоитъ именно въ безконечномъ приближеніи къ ихъ гармоніи, къ примиренію бытія и долженствованія. Это основной постулатъ моральнаго міросозерцанія, безъ котораго оно лишено было бы всякаго смысла. Однако, осуществляя этотъ основной постулатъ, примиряя и сближая бытіе съ долженствованіемъ, моральное сознаніе работаетъ надъ собственнымъ своимъ уничтоженіемъ, ибо, достигая гармоніи идеала и дѣйствительности, оно уничтожаетъ ту самую противоположность, которой оно питается. Моральность жива исключительно противоположностью бытія и долженствованія, а между тѣмъ она должна работать надъ уничтоженіемъ этой противоположности.

Достиженіе гармоніи бытія и долженствованія есть осуществленіе моральной задачи, но «въ гармоніи исчезаетъ моральность», наоборотъ, въ моральности исчезаетъ «гармонія», и нравственная задача остается невыполненной. Это заставляетъ Гегеля сказать, что абсолютная цѣль моральнаго поведенія «состоитъ въ томъ, чтобы не было моральнаго поведенія» ³⁾. «Прогрессъ въ моральности былъ бы только движеніемъ къ ея гибели» ⁴⁾. Поэтому единственный выходъ изъ этого противорѣчія

1) Werke I, 355, Phil. des Rechts, 113, Феном. духа.

2) Тамъ же.

3) Феноменология Духа, 282, см. еще 273 и сл., Naturrecht., 356.

4) Феноменология, 283.

состоитъ въ томъ, чтобы признать разрывъ между бытіемъ и долженствованіемъ вѣчнымъ и неустрашимымъ, а задачу ихъ примиренія принципиально неразрѣшимой и невыполнимой ни въ какомъ моментъ будущаго. Какъ бы долго ни шель прогрессъ моральности въ безконечность, какъ бы ни двигалось человѣчество къ совершенству, оно никогда не достигнетъ своего идеала. Ибо иначе уничтожилась бы противоположность природы и долженствованія, уничтожилась бы нравственность, какъ норма, и у Канта не осталось бы никакой моральной реальности. Поэтому этотъ односторонній идеализмъ долженъ настаивать на задачѣ, которая навѣки должна оставаться задачей. Долженствованіе, постоянно тяготѣя къ бытію, постоянно должно оставаться долженствованіемъ, иначе оно теряетъ моральную цѣнность. Вѣчная ненасыщенность суетнаго долженствованія (*Das perennirende Sollen*)—развѣ не находитъ оно себѣ красочной аналогіи въ извѣстныхъ образахъ греческаго Ада.

Но если Кантъ вынужденъ настаивать на вѣчномъ разрывѣ дѣйствительности и долженствованія, то преобразование дѣйствительности, объективный міръ человѣческихъ поступковъ теряетъ всякое самодовлѣющее значеніе. Если міръ все равно будетъ безконечно далекъ отъ идеала, то подлиннымъ мѣстомъ реализаціи добра можетъ быть не внѣшняя дѣйствительность, а внутренній міръ человѣческаго сознанія. Мораль долга есть мораль настроенія. На первый планъ выступаетъ моральность настроенія, чистота намѣреній, хотя бы и бесплодныхъ, хотя бы и не продвигавшихъ дѣйствительности по пути къ идеалу. Ибо именно въ этомъ разрывѣ настроенія и дѣйствительности реализуется нравственность. Моральный міръ замыкается въ чисто-субъективную моральность, внѣшняя закономірность поступковъ, объективная легальность, остается индифферентной нравственности, «богооставленной», а общіе принципы, въ которые разрѣшается нравственность, могутъ имѣть значеніе лишь для личнаго сознанія, которому остается лишь проявить чистоту своего преклоненія передъ закономъ. Гегель—рѣшительный противникъ этой «субъективной моральности». «То, что составляетъ субъекта,—это ряды его поступковъ. Если эти ряды суть продукты, лишеныя цѣнности, то лишена цѣны также и субъективность хотѣнія, если же, напротивъ, ряды его дѣйствій имѣютъ субстанціальную природу, то такова же и внутренняя

воля индивида» ¹⁾. Внутреннего отношения воли къ себѣ недостаточно. Невыполненное хотѣніе, доброе намѣреніе, не получившее никакого осуществленія, лишено всякой нравственной цѣны. «Лавры невыполненнаго хотѣнія суть сухіе листья, никогда не зеленѣвшіе» ²⁾.

Вмѣсто того, чтобы соединить закономерность воли и закономерность поступковъ въ одно единство абсолютной нравственности, Кантъ противопоставляетъ моральность легальности и дѣлаетъ легальность независимой отъ моральности. Право становится индифферентнымъ морали. Естественное право—совершенно необоснованнымъ и ложнымъ понятіемъ. Моральность и легальность становятся отрицательными другъ для друга. Между тѣмъ «ist weder die Legalität noch die Moralität absolut positiv oder wahrhaft sittlich» ³⁾. Сама по себѣ, въ отрывѣ отъ права, моральность есть область чисто-отрицательнаго, пустая абстракція, лишенная какого бы то ни было нравственнаго значенія, только въ единствѣ съ конкретнымъ содержаніемъ опредѣленнаго правопорядка и на почвѣ его моральность становится положительной, становится элементомъ абсолютной нравственности ⁴⁾. Сущность естественнаго права не въ опустошенной и равнодушной къ добру и злу схемѣ правового механизма и не въ моральномъ долженствованіи, коренящемся въ субъективномъ настроеніи, а въ конкретной цѣлокупности нравственной организаціи. Die Lebendigkeit des Sittlichen—творимая духомъ народа совокупность нравовъ и законовъ—вотъ та почва, на которой можетъ возникнуть подлинная моральность.

Естественное право не есть нѣчто формальное и отрицательное, и моральность вовсе не есть нѣчто абсолютное и положительное. Естественное право есть das wahrhaft Positive, конкретная цѣлокупность въ отличіе отъ морали, какъ абстрактнаго и формальнаго, чисто-отрицательнаго начала. Только черезъ свое отношеніе къ положительному содержанію конкретнаго правопорядка и конкретной организаціи объективныхъ учреждений индивидъ обрѣтаетъ подлинную моральность.

Объективная система основоположеній морали возможна лишь

¹⁾ Phil. d. Rechts. S. 105.

²⁾ Phil. d. Rechts. S. 317 (Zusatz).

³⁾ Naturr. (Werke, I), 361, 398.

⁴⁾ ib. 396, 398.

на почвѣ объективной нравственности—*Sittlichkeit*. На стадіи отвлеченнаго морализма совѣсть лишена объективнаго содержанія ¹⁾. Только государство, эта высшая ступень объективной *Sittlichkeit*, только государство преодолеваетъ субъективность формальной совѣсти и наполняетъ ее конкретнымъ содержаніемъ, «обращаетъ ее къ жизни всеобщей субстанціи» ²⁾ и ставитъ предѣлъ ссылкамъ на субъективное мнѣніе, личное неодобреніе и иные моменты случайности и произвола ³⁾. Въ объективныхъ учрежденій, въ нравовъ и положительныхъ законовъ *Das Sollen*—долженствованіе—есть чистая отрицательность, суетность и безсодержательность. «Und diese Negativität, Subjectivität, Ich, die Freiheit sind die Principien des Uebels und des Schmerzes» ⁴⁾. *Das Sollen* въ его отрывѣ отъ бытія становится принципомъ безнравственности и зла, источникомъ боли и муки (*Prinzipien des Uebels und des Schmerzes*) ⁵⁾.

Естественное право есть такимъ образомъ область подлинно положительнаго; сущность его не въ абстракціи отъ дѣйствительности, а въ жизненной полнотѣ конкретнаго нравственнаго содержанія ⁶⁾. Нравственность обладаетъ индивидуальностью и извѣстнымъ внѣшнимъ обликомъ ⁷⁾. Въ каждой нравственной индивидуальности проявляетъ себя мировой духъ, и оправданіе отдѣльной индивидуальности состоитъ въ томъ, что она находитъ свое мѣсто въ цѣлокупной вселенной (*Totalität*) ⁸⁾. Неправильно объявлять полипа несовершеннымъ и требовать, чтобы онъ былъ насѣкомымъ, ибо существованіе полипа, какъ полипа, оправдано высшею разумною необходимостью. Такъ и въ области права и нравственности. Чтобы оцѣнить правомѣрность того или другаго института, нужно взвѣсить, насколько онъ даетъ возможность народу организовать въ качествѣ индивидуальности, насколько онъ отвѣчаетъ его духу, насколько законъ тѣхъ или другихъ отношеній совпадаетъ съ нравами (*ob das*

¹⁾ *Phil. d. Rechts*, 115; см. также *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*, Reclam's Ausgabe, S. 76, 77.

²⁾ *Encycl. III (Werke, VII)*, 404, *Ph. d. Rechts*, 115.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ *Encyklop. III. (Werke VII)*, 364.

⁵⁾ *ib.*

⁶⁾ *Werke, I*, S. 401.

⁷⁾ *Werke, I*, 413.

⁸⁾ *Werke, I*, 415.

Gesetz dieser Verhältnisse Sitte ist) ¹⁾. *Совпадение закона съ нравами*— вотъ наилучшій критерій для сужденія о правомѣрности учрежденій. Законъ, коренящійся въ умершихъ нравахъ и угасающей жизни, лишень нравственнаго значенія. Какъ же различить живое отъ мертваго и умирающаго? Для этого служить указаніе на единство цѣлаго. Все, что нарушаетъ господство цѣлаго надъ его частями, есть признакъ начинающейся смерти. Поэтому все, что влечетъ къ отдѣленію отъ нравственной цѣлокупности, что разрушаетъ жизненность и цѣлость индивидуальности отдѣльнаго народа, не имѣетъ положительнаго значенія ²⁾. Другъ народа — вотъ критерій философскаго правовѣдѣнія. Гегель вполне одобряетъ ученіе Монтескье, который опирался всецѣло на живую индивидуальность отдѣльнаго народа, а не на эмпирическіе факты универсальнаго опыта ³⁾. Сужденія объ институтахъ и осужденіе институтовъ должны быть исполнены историческаго смысла. Относительное оправданіе имѣютъ и тиранія, и рабство ⁴⁾, и институтъ крѣпостнаго права ⁵⁾. Ибо естественное право есть указаніе не на абстрактную свободу, а на конкретную разумную необходимость. Въ этомъ смыслѣ для Гегеля все дѣйствительное разумно, и все разумное дѣйствительно. Развѣ до сихъ поръ въ дѣйствительности не осуществилось ничего разумнаго? Почему это философія вѣчно хочетъ сызнова строить общественный идеаль? ⁶⁾ Развѣ въ самомъ государствѣ не раскрывается разумъ, и развѣ нужно для построенія идеальнаго погружаться въ пути абстракціи ⁷⁾? Развѣ Платонъ не извлекъ своего идеала изъ современной ему дѣйствительности, развѣ его идеаль не былъ выраженіемъ нравственной наличности его времени? Конкретная наличность объективныхъ учрежденій нравственности — вотъ высшая ступень и высшая реальность нравственности. Познавать эту конкретную наличность въ ея разумности — такова задача подлиннаго философскаго или естественнаго права ⁸⁾. Право,

1) Werke, I, S. 416.

2) Werke, I, 417, 18, 19 и дальше.

3) Werke, I, 417.

4) Encykl. III (Werke, VII) 282.

5) Werke, I, 416

6) Phil. des Rechts. S. 7.

7) Philos. des Rechts, 15.

8) il, 21.

какъ норма, есть низшая ступень права, нравственность, какъ норма, есть низшая ступень нравственности. Только въ конкретныхъ учрежденіяхъ, въ «Sittlichkeit» того или другого народа и то и другое получаетъ свою подлинную дѣйствительность. «Das Sollen ist erst im Sittlichen erreicht» ¹⁾. Кантъ хотѣлъ поставить низшую ступень надъ высшей, хотѣлъ естественное право понять, какъ норму, и эту норму индивидуальнаго сознанія поставить надъ исторической наличностью. Между тѣмъ естественное право есть понятіе высшее, чѣмъ понятіе моральности, взятой въ смыслѣ слѣдованія отвлеченной нормѣ. У каждой ступени есть свое право, но право государства выше всякаго иного ²⁾. Въ государствѣ, какъ и въ другихъ объективныхъ учрежденіяхъ, нравственность достигаетъ наглядности и созерцаемости ³⁾. Въ этомъ ея сила. Мы опускаемъ всѣ опредѣленія, какія даетъ Гегель своему высшему понятію — Sittlichkeit — съ точки зрѣнія основныхъ понятій своей теоретической философіи (это предполагало бы хотя бы краткую передачу основъ его философіи) ⁴⁾, намъ достаточно показать, что онъ при этомъ понималъ и какой принципъ и какія тенденціи онъ противопоставилъ кантовскому пониманію естественнаго права.

Въ воззрѣніяхъ Канта и Гегеля мы имѣемъ тѣ два противоположныхъ пониманія морали и философіи права, о которыхъ мы говорили въ началѣ нашей статьи. Если Кантъ — сторонникъ отвлеченнаго нормативизма, то Гегель — представитель объективнаго пониманія этики, отождествляющаго ее съ философией культуры и исторіи. Въ ихъ ученіяхъ мы находимъ два совершенно различныхъ, даже противоположныхъ понятія о естественномъ правѣ. Если для Канта естественное право есть норма отвлеченнаго разума, вносящая этическую законѣрность въ сужденія о положительномъ правѣ, норма нормъ, долженствованіе долженствованія, формальное абстрактное и всеобщее, то для Гегеля естественное право есть единство бытія и долженствованія, осуществляемое въ конкретномъ индивидуальномъ творествѣ народнаго духа. Естественное право есть философія конкретной

¹⁾ il, 313 (Zusatz).

²⁾ Phil. der Geschichte, S. 75.

³⁾ Werke, I, 357, 422.

⁴⁾ Werke, I, 392; Феноменологія, 204, Enc. III, 391, Phil. d. Rechts, S. 295, Phil. d. Geschichte, S. 78, 93.

положительной нравственности. Идеаль есть всегда конкретный идеаль. Абсолютная нравственность можетъ быть только конкретной нравственностью¹⁾. Ибо только конкретное обладает истинной дѣйствительностью. Идея права не есть абстрактное и всеобщее правило, а конкретная и индивидуальная цѣлокупность, ибо истинная идея не можетъ быть отвлеченной мыслью, абстракцией, а есть конкретный духъ, конкретное самосознаніе. Идеализмъ Канта есть идеализмъ благороднаго настроенія и такъ называемаго возвышеннаго образа мыслей, идеализмъ универсальныхъ лозунговъ и той абстрактной критики, которая способна разрушить всякую исторически данную наличность. Идеализмъ Гегеля есть идеализмъ философскаго постиженія дѣйствительности, философскаго усмотрѣнія смысла всякой наличности, идеализмъ конкретнаго идеала и конкретно-историческаго пониманія нравственности. Правила, нормы, заповѣди, моральные законы и всѣ другія орудія отвлеченнаго разсудка умолкаютъ здѣсь передъ высшею разумностью Разума (съ большой буквы). Изучать нравственность это значитъ познавать разумъ исторіи и разумъ духовной дѣйствительности, царства культуры, быть нравственнымъ — это значитъ зажить одною жизнью съ жизнью высшаго социальнаго цѣлаго. Подходить же къ исторіи и объективной духовной наличности съ мѣркою абстрактныхъ заповѣдей морали—это значитъ не замѣчать ни величія, ни духовной цѣнности, ни высшей разумности объективно свершающагося. Все подлинно великое и значительное въ жизни человѣчества меркнетъ передъ ненаполнимой пустотой «чистой» воли, и божественная воля титановъ передъ судомъ абстрактнаго долженствованія становится «нечистой» волей. Гегель имѣлъ основаніе вспомнить здѣсь, что для камердинеровъ нѣтъ героевъ.

Разумѣется, обыкновенное пониманіе нравственности таитъ въ себѣ свои весьма существенныя опасности. Если отбросить нравственные законы, орудіе, недостаточное для сужденій объ обществственности, то не встанемъ ли мы въ полной безпомощности передъ принудительной силой фактическаго. Если фактическое не подвластно нашему суду и знаетъ свои особые законы и осуществляетъ свою особую разумность, то какъ же намъ разо-

¹⁾ См. объ этомъ П. И. Новгородцевъ. Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ. Москва 1901.

браться въ фактическомъ? Признать ли намъ все фактическое правомѣрнымъ за одну только его фактичность? Или найти какой-либо критерій, который позволялъ бы судить о правомѣрности объективно наличнаго? Гегель зналъ такой критерій—это было согласіе съ духомъ народа, но этимъ постулировалась непогрѣшимость этого духа, непогрѣшимость исторіи. И таковы въ сущности два единственныхъ рѣшенія для того, кто хочетъ преодолѣть кантовское «моральное міросозерцаніе». Либо нужно преклониться передъ всякою фактической наличностью и отказаться отъ всякой этики, либо строить этику, какъ философію исторіи. Въ послѣднемъ случаѣ, признаемъ ли мы исторію за богочеловѣческой процессъ или за прогрессъ въ сознаніи свободы, все равно, построивъ такую философскую схему, мы уже въ состояніи различать добро и зло, уже обладаемъ критеріемъ для различія правомѣрнаго отъ неправомѣрнаго. Конечно, этотъ положительный конкретный идеализмъ долженъ предполагать разумность и внутреннюю цѣлесообразность историческаго процесса, долженъ разъ и навсегда внушить себѣ вѣру въ смыслъ исторіи, долженъ разъ и навсегда объявить себя рѣшительнымъ оптимизмомъ. И если исторія не есть прямая линія нравственныхъ опредѣленій, а путь ея идетъ зигзагами, или если исторія есть путь къ послѣдней катастрофѣ, то схема, примѣняемая объективнымъ идеализмомъ и искусственна и ложна. Именно здѣсь зарождается пессимистическое и мизантропическое настроеніе въ идеалистическихъ системахъ (Ж. де Местръ).

Переходя къ оцѣнкѣ отвлеченнаго нормативизма въ философіи права, мы сразу укажемъ на основаніе недостаточности изученія права только какъ нормы, какъ сужденія о должномъ. Ибо уже для того, чтобы понять право, какъ *дѣйствующее*, нужно перестать разсматривать его какъ долженствованіе, а взглянуть на него со стороны его бытія. Ибо для того, чтобы быть *дѣйствующимъ* правомъ, право должно реализоваться, стать бытіемъ, конечно, не физическимъ, не природнымъ, но все же бытіемъ; ибо значимость (*Geltung*) права покоится не на силѣ отвлеченно взятаго сужденія, а на силѣ его конкретнаго социальнаго осуществленія. То право—и только то право—есть дѣйствующее, которое находитъ свою реализацію во внѣшней дѣйствительности того или другаго социальнаго построенія. Вотъ почему нужно признать вмѣстѣ съ Гегелемъ, что полное познаніе права есть по-

знаніе конкретнаго правопорядка въ его связи съ иными силами культуры. И съ другой стороны—правовой идеаль не долженъ становиться совокупностью абстрактныхъ лозунговъ, ибо онъ не можетъ не облекаться чертами исторически индивидуальнаго, конкретнаго. Ибо и естественное право современнаго кантіанства есть форма, еще нуждающаяся въ своемъ наполненіи тѣмъ или инымъ содержаніемъ. Научимся же искать это содержаніе не въ законахъ природы и аналогіяхъ, почерпнутыхъ изъ общаго натуральнаго порядка, и не въ апіорныхъ умозрѣніяхъ, а въ конкретномъ содержаніи культуры своего народа. Правовой идеаль долженъ быть индивидуальнымъ идеаломъ и въ этомъ смыслѣ онъ не можетъ не быть идеаломъ *національнымъ*.

Таковы тѣ основныя проблемы, которыя выдвинуты противоположною разсмотрѣнныхъ воззрѣній. Здѣсь вскрывается существенная антиномія и ставится самый основной вопросъ морали и философіи права. «Звѣздное небо надо мною и моральный законъ во мнѣ» — вотъ двѣ реальности, которыя утверждалъ Кантъ. Гегель спѣшитъ восполнить пробѣлъ Канта. Развѣ кромѣ моральнаго закона во мнѣ, нѣтъ моральнаго міра надо мною? Болѣе того, развѣ этотъ моральный законъ во мнѣ не есть только отраженіе внѣшняго моральнаго міра? Если во внѣшней дѣйствительности Кантъ не видѣлъ ничего, кромѣ природы, кромѣ звѣзднаго неба надъ собой, то Гегель открылъ и поставилъ рядомъ съ природой объективный міръ свободы—исторію и конкретную нравственность. Бываютъ историческія минуты, когда не можетъ не очаровывать и не привлекать возвышенность, ясность и теплота «моральнаго закона въ насъ» и когда внѣшній міръ учреждений и законовъ надъ нами кажется непонятнымъ, далекимъ, холоднымъ и чужимъ. Но бываютъ другія историческія минуты—и ихъ-то мы переживаемъ теперь—когда «моральный законъ въ насъ» приобретаетъ налетъ холодной разсудочности, безжизненности и доктринерства, и когда сила его гаснетъ передъ непосредственной теплотой того чувства, въ которомъ мы ощущаемъ себя нераздѣльною частью высшаго социальнаго цѣлаго. Это—минуты, когда вся система моральныхъ заповѣдей падаетъ, чтобы смѣниться одной простой и понятной заповѣдью защиты отечества во что бы то ни стало. Кто не продумалъ этихъ противоположныхъ рѣшеній и не ощутилъ ихъ антиномичности, тотъ не подошелъ еще къ существу нравственной проблемы.

С. Кечекьянъ.